

Абстрактные трудовые правила: абстракция деятельности в труд — это создание целостной, связанной законом тотальности, поддерживаемой эксплуатацией труда.

Большая часть истории, изложенной в предыдущих разделах, могла бы быть (и была) рассказана иначе. Создание нашего современного общества со всем, что оно включает в терминах труда, рационально-научного мышления, диморфной сексуальности с главенствующим мужским началом, объективации природы, гомогенизации времени, замкнутости во всеобъемлющей системе и т.д., и т.п.: всё это может быть рассмотрено (и рассматривалось) просто как модернизация, создание современного индустриального общества. Более критически его можно рассматривать в терминах создания дисциплинированного общества^[1], или в терминах критики Просвещения^[2], или, что особенно интересно, как "борьбу между Пенфеем и Дионисом" за подавление коллективной радости^[3].

Здесь мы настаиваем на том, что создание общества, в котором мы живём, должно рассматриваться как создание абстрактного труда (абстракция деятельности в труд). Это попытка донести его до нас, поставить нашу деятельность, то, что мы делаем изо дня в день, в центре анализа. Это можно рассматривать как критику *ad hominem* или просто как материализм: материализм — это попросту понимание того, что мы, люди, создаём мир, в котором живём^[4]. Не культура, не какая-то внешняя сила создаёт разрушающее нас общество, а мы сами, через нашу своеобразно деформированную деятельность, через абстрактный труд: «Люди своим трудом создают реальность, которая всё больше и больше поработает их^[5]». И если мы сами создаём это общество, тогда мы можем перестать это делать и вместо этого заняться чем-то другим.

Итак, абстрактный труд правит всем.

Мы создаём общество, которое систематически скрывает тот факт, что мы его создаём. Мы создаём общество, которое движется в соответствии с динамической логикой, которую не контролируем ни мы, ни кто-либо другой. Мы создаём общество, основанное на нашей эксплуатации. Каждое из этих утверждений — источник отчаяния, источник надежды. Нам надо подойти к ним поочередно.

Во-первых, мы создаём общество, которое систематически скрывает тот факт, что мы его создаём. Это мы уже видели: мы создаём фетишизированный, овеществлённый мир, мир вещей. Мы, как субъекты, создаём мир, который превращает нас в объекты. И наоборот: этот мир, в котором мы рассматриваемся как объекты, является продуктом нашего субъективного творения.

Во-вторых, мы создаём общество, которое движется в соответствии с динамической логикой, которую не контролируем ни мы, ни кто-либо другой. Овеществлённый мир, который мы

создаём, не движется по чьей-либо воле. Он следует своей собственной логике. Он следует своим собственным законам развития — в той мере, в которой общественные отношения действительно превращаются в отношения между вещами. Тотальность, которую мы создаём — это тотальность, связанная законом. Именно это делает возможным изучение экономики, да и вообще любой другой дисциплины, пытающейся понять законы общественного развития. Социальная тотальность имеет определённую структуру, определённую логику, определённую динамику, резюмированную в восклицании Маркса: «Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки!» (Marx, 1867/1965: 595; 1867/1990: 742). Чтобы существовать, капитал должен накапливаться, должен расширяться. Капитал, который мы создаём — это самосозидающая, саморасширяющаяся стоимость. Капитал, хотя и создаётся людьми, приобретает силу, независимую от любого человеческого волевого акта. Он не контролируется капиталистами: капиталисты являются капиталистами только в той мере, в какой они преуспевают в подчинении логике капитала. Капитал (объект нашего творения) есть "автоматический субъект" (как называл его Маркс)^[6], Субъект капиталистического общества. Это история Франкенштейна, история ученика чародея. Конституируя капитализм, мы создаём систему, которую не контролируем, систему со своими собственными законами развития. Мы создаём капитализм и ввергаем себя в ужасающий мир. Мы попадаем в управляемый смертью «заколдованный, извращённый и на голову поставленный мир» (Marx 1894/1971: 830).

Тотальность, образованная абстрактным трудом, есть тотальность без смысла. Существует связь меж видами деятельности, но сами виды деятельности абстрагированы от смысла: содержание деятельности (будь то выпечка или приготовление крысиного яда) безразлично. Цепь связей — это квантифицированная цепь, установленная через деньги. Каждая деятельность приобретает значение только по отношению к другой деятельности, как средство достижения цели. Выпечка ради неё самой, ради удовольствия, не имеет никакого смысла в мире абстрактного труда. В этом мире выпечка имеет смысл только как средство достижения цели, цели зарабатывания денег: её цель — безумный смысл, свобода от смысла (такая, что выпечка тортов может быть заменена изготовлением яда, написанием книг — чем угодно). Объединение действий является чисто инструментальным, но эта инструментальность пуста. Этот формальный, инструментальный ряд связей порождает формальную практическую точку зрения^[7].

Абстрактный труд — это основа практической точки зрения, формализации разума, возникшей в эпоху Просвещения и ставшей основой современной буржуазной мысли. Истина в ней имеет смысл лишь как мера эффективности средств достижения цели, а сами люди здесь воспринимаются просто как средства достижения цели. В этой тотальности единственный смысл — количественный: темпы экономического роста, количество построенных мостов, километраж автомобильных дорог, количество преступников в тюрьмах — иными словами, Прогресс^[8].

Тот факт, что капитализм — это общество, связанное законами, общество со своими законами развития, означает, что он характеризуется жесткостью. Это не бесконечно гибкое общество, каким оно иногда кажется. Иногда кажется, что он способен поглощать всё, что мы бросаем в него, превращая Че и Маркоса в принты на футболках, превращая великое восстание 1968 года в новый стиль господства. И всё же это не так. Капитал имеет свои пределы и должен следовать определённым правилам, из которых основное — Накопляйте, накапливайте! Поэтому имеет

смысл говорить о разрушении или расколе капитала. Капитал — не стекло, но у него есть жёсткость, каким бы гибким и приспособляемым он не казался: капитал — это набор правил, которые направляют поток нашей деятельности: чтобы сломать капитал, мы нарушаем правила. Как мы нарушаем правила? Раньше было несколько правил, как это делать, но, к счастью, они были нарушены.

В-третьих, мы создаём общество, основанное на нашей собственной эксплуатации. Мир, который мы создаём, содержит в своём центре эксплуатацию труда капиталом. Абстракция деятельности в труд распространяется на всё общество только тогда, когда сама рабочая сила становится товаром. Иными словами, как мы видели, именно благодаря расширению наёмного труда абстрактный труд становится организующим принципом общества. Наёмный труд означает, что рабочий продаёт его^[9] рабочую силу капиталисту в обмен на заработную плату (денежный эквивалент стоимости своей рабочей силы); капиталист заставляет рабочего трудиться, и рабочий производит больше стоимости, чем оценена его рабочая сила, прибавочную стоимость, которая присваивается капиталистом. Это процесс капиталистической эксплуатации. Распространение абстрактного труда есть одновременно распространение капиталистической эксплуатации. Эксплуатация существовала и в докапиталистических обществах: в феодальных обществах, например, крепостной вынужден работать, чтобы удовлетворять не только свои собственные потребности, но и потребности своего господина. С переходом к капитализму (кровавый процесс первоначального накопления) эксплуатация вновь конституируется на основе абстрактного труда. Превращение деятельности в абстрактный труд есть предпосылка капиталистической эксплуатации. Без абстрактного труда не может быть производства капитала; без производства стоимости не может быть производства прибавочной стоимости. Производство прибавочной стоимости и капитала, в свою очередь, необходимо для воспроизводства деятельности в качестве абстрактного труда, но этому логически предшествует именно абстракция деятельности в труд.

Таким образом абстрактный труд создаёт классово разделённое общество. Классовый антагонизм, как и эксплуатация, существовал до капитализма, но он воссоздан на основе абстрактного труда. Процесс производства прибавочной стоимости создаёт два антагонистических класса: класс тех, чей труд создает прибавочную стоимость (пролетариат, рабочий класс), и класс тех, кто эксплуатирует этот труд. Антагонизм, присущий процессу эксплуатации (капиталистическому процессу производства), структурирует всё общество и наполняет его тем же антагонизмом. Это разделение общества, этот процесс классификации есть один из аспектов фетишизации/идентификации/классификации общества, который мы уже рассматривали в качестве одного из моментов процесса абстракции^[10].

Таким образом, абстрактный труд представляет собой систему социальной сплочённости, управляемой объективными законами развития вне нашего контроля, в основе которой лежит сродство с эксплуатацией — производство прибавочной стоимости. Это сродство есть сродство антагонизма между абстрактным эксплуатируемым трудом и капиталом, производимым этой эксплуатацией: данный антагонизм персонифицируется как антагонизм между персонификациями абстрактного труда (пролетариатом) и персонификациями капитала (капиталистами). Важно придерживаться этих двух измерений: если мы рассматриваем

абстрактный труд просто как конституирование системы связанного законом социального принуждения, то мы легко можем упустить из виду антагонистическую динамику, которая находится в центре этой системы; если же, с другой стороны, мы сосредотачиваемся исключительно на сродстве с эксплуатацией, то мы не видим абстрагирования деятельности в труд, что является предпосылкой для всей системы эксплуатации.

Здесь есть два важных антагонизма. Внутри капитализма, этого мира, созданного абстрактным трудом, существует центральная ось эксплуатации, антагонизм между трудом и капиталом. Но процесс, который создаёт этот мир, абстракция деятельности в труд, также является антагонистическим процессом, кровавым и насильственным. Существование капитализма (общественного строя, основанного на эксплуатации труда и имеющего свою собственную антагонистическую динамику) основано на предварительном условии: антагонистическом превращении деятельности в абстрактный труд.

С этой точки есть два пути вперёд, два способа размышлять о радикальных социальных изменениях. Значение первоначального накопления, долгое время рассматривавшееся марксистской теорией как маргинальный вопрос (и действительно именно так изложенное Марксом в *Капитале*), становится центральным вопросом.

Первый подход рассматривает первоначальное накопление как событие прошлого, с тех пор воды утекло много. Что сделано, то сделано — и мы теперь живём в мире, образованном абстракцией деятельности в труд. Следовательно, абстракция деятельности в труд может быть принята как нечто само собой разумеющееся, и действительно, нет никакой необходимости говорить о двойственном характере труда, так как единственный релевантный труд в капитализме — это абстрактный труд: мы можем просто говорить о труде и забыть то, что Маркс говорил о важности двойственного характера труда. Первоначальное накопление было насильственным эпизодом в прошлом, оно создало капиталистический мир, в котором существует один центральный антагонизм — антагонизм между трудом и капиталом. Именно с этой позиции мы должны думать о возможностях перемен.

Второй подход состоит в том, чтобы утверждать, что если мы принимаем абстрактный труд как должное, то мы уже заключаем себя в мире, созданном абстрактным трудом, и тогда выхода нет: и логика, и трагический исторический опыт говорят нам, что это так. Альтернативой является вопрос об абстракции деятельности в труд: первоначальное накопление следует рассматривать не как замкнутый процесс, нечто, что произошло в прошлом, а как нечто открытое, живой антагонизм.

Абстрактный труд правит всем, но нужно ещё кое-что сказать. С самого начала абстрактный труд объявляет свою собственную антитезу. Абстрактный труд — это одно из проявлений "двойственного характера труда". Но мы ещё не говорили о другом проявлении, тёмной стороне, для которой у нас даже нет подходящего названия, и в данный момент мы будем называть её «конкретно-творческой деятельностью».

Тёмная сторона сочится сквозь трещины. Абстрактный труд есть, как мы видели, конституированная форма общественных отношений^[11], конституированная форма

человеческой деятельности. Столетия борьбы привели к созданию абстрактного труда. Но если бы это было всё, что есть, мы не могли бы критиковать абстрактный труд, у нас не было бы точки зрения, с которой можно было бы критически смотреть. Тот факт, что мы критикуем, говорит о том, что существует нечто большее, чем абстрактный труд, что превращение деятельности в абстрактный труд не является замкнутым, не является полным. Мы больше, чем извращённые исполнители абстрактного труда. Именно это "больше, чем", этот остаток, это несоответствие и есть источник надежды.

Мы не можем говорить об абстрактном труде, не говоря об этой неподходящей, конкретно-творческой деятельности, которая вроде и вписывается, и всё же не вписывается в абстрактный труд, которая вроде и содержится в абстрактном труде и всё же переполняет его. Вот к чему мы должны перейти: к иной стороне двойственного характера труда. Но сначала мы должны взглянуть на ужасную власть абстрактного труда над антикапиталистическим движением.

1. См. Foucault (1975/1977). [↗](#)
2. См. Horkheimer and Adorno (1947/1979). [↗](#)
3. См. Ehrenreich (2007: 248). [↗](#)
4. В этом смысле см. «Тезисы о Фейербахе» Маркса (Marx 1845/1976). [↗](#)
5. Horkheimer (1937/1992: 229). Я привожу перевод Вернера Бонфельда (Bonfeld 1995: 184), который более ясен, чем опубликованный английский перевод (1937/1972: 213). [↗](#)
6. Об этом см. Bonfeld (1995). [↗](#)
7. Как и в абстрактном труде, «в ... формальной логике мышление безразлично к своим объектам» (Marcuse 1964/1968: 114). [↗](#)
8. Критика практической точки зрения — одна из основных тем, разрабатываемых авторами, связанными с Франкфуртской школой. См. в частности Horkheimer (1946/2004), Marcuse (1964/1968). [↗](#)
9. Я предпочитаю называть исполнителей абстрактного труда "он", а деятелей — "она". [↗](#)
10. О классе и классификации см. Holloway (2002/2005: гл. 8) и Holloway (2002). [↗](#)
11. По важнейшему вопросу о конституировании форм общественных отношений см. Bonfeld (1995). [↗](#)